

доказывает, что Бодлеанский список представляет собой оригинал остальных дефектных в этом месте списков. Необходимо, впрочем, попутно заметить, что пропуски в месте пятна доказывают, что перед нами копии с Бодлеанского списка, но если бы этих пропусков не было, то это не значило бы, что перед нами не копии: ведь пятно могло бы быть сделано и после того, как копии были сняты. Перед нами случайность, которая помогла раскрыть отношение списков к своему оригиналу. Установив оригинал, текстолог, однако, должен рассмотреть вопрос о том, все ли списки списаны с этого оригинала или некоторые из них являются копиями с копий. Путь исследования здесь тот же.

Самая трудоемкая часть работы по установлению копии — это обратная сплошная проверка, и о ней не следует забывать. Обратной проверки требует всякий этап работы текстолога, но в данном случае она особенно необходима: достаточно одного факта, чтобы стало ясным, что перед нами не копия и оригинал, а две копии с третьего, не дошедшего до нас списка, или копия с копии оригинала и т. д.

Определение формата протографа

В предшествующем разделе мы рассмотрели вопрос о копии с дошедшего оригинала. Копии эти, как мы видели, только в определенных обстоятельствах могут представлять интерес для текстолога. Иное дело, когда перед нами копия с не дошедшего оригинала. В этом случае копия является свидетельством об оригинале (протографе), и многие ее особенности зависят от того, каким был этот оригинал.

Особенно большое значение имеет для определения различных возможных ошибок, описок и пропусков формат недошедшего оригинала (протографа). Мы уже видели выше, что различные случаи диттографии и гаплографии связаны с перескоком писца с одной строки на другую. Длина строки обычно кратна размеру пропуска или повторения писца. Имеет, кроме того, значение количество текста, уместяющегося на странице или листе, так как отдельные пропуски или перестановки могут объясняться тем, что лист рукописи выпал, а затем был утрачен или вставлен в рукопись в перевернутом виде, попал не на место и пр. Важен вопрос и о концах строк, где могут быть специфические сжатия написания. Крайний нижний угол листа чаще всего загрязняется, текст его стирается, он утрачивается и т. д.; поэтому определение положения его в протографе по копии также представляет большую важность.

Вот почему, если перед нами копия с недошедшего оригинала (с ее протографа), то определение формата последнего (и соответственно размера строки, страницы, листа) представляет очень большой интерес для текстолога.

Методика определения длины строк, количества строк, величины листа в оригинале дошедшего до нас списка была разработана А. Кларком¹, но еще раньше эту методику начал разрабатывать Л. Хавэ².

Внимательный анализ позволяет установить, как переписывалась рукопись, была ли это простая копия или творческая переработка предшествующего текста. Приведу некоторые соображения М. Д. Приселкова о работе писцов Лаврентьевской летописи, позволившие ему установить, что Лаврентьевскую летопись переписывали несколько писцов не последовательно, а одновременно. «В трех местах рукописи, — пишет М. Д. Приселков, — (все три места — на оборотах листов 157, 161 и 167-го) мы наблюдаем три весьма досадные, с точки зрения благообразия рукописи, пробела в конце оборотов указанных выше листов: в $7\frac{1}{2}$, $54\frac{1}{2}$ и $20\frac{1}{2}$ строк, причем пробелы эти не мешают последовательному чтению дальнейшего текста, так как своим наличием они только раздвигают текст. Так, последними словами оборота 157-го листа являются: “изволи его”, затем идет пробел в $7\frac{1}{2}$ строк, и на лицевой стороне 158-го листа читаем: “постави служителя своей церкви и пастуха”. Так, последними словами на обороте 161-го листа является: «аз грешный много и часто бога прогне», затем идет пробел в $54\frac{1}{2}$ строки и на лице 162-го листа читается: “ваю и часто согрешаю по вся дни”. Наконец, последними словами на обороте 167-го листа будут слова: “отвержеся Христа и бысть бесурме”, за ним идет пробел в $20\frac{1}{2}$ строк и на лице следующего 168-го листа читаем: “нин вступив в прелесть”.

Объяснение этому... роду дефекта рукописи, т. е. разрыву текста книги пробелами в конце оборотов листов при сохранении текста без всяких утрат, дефекту, который встречается и в других рукописных книгах древности, палеография справедливо видит в том, что при переписке книг, для ускорения дела переписки, весьма часто книгу расшивали и по частям раздавали для одновременной переписки нескольким писцам; при несоответствии формата новой рукописи формату той книги, с которой ведется переписка, естественно, должны получаться подобного рода пробелы»³.

Такой характер работы писцов позволяет М. Д. Приселкову утверждать, что Лаврентьевская летопись была в значительной мере механической копией своего оригинала, а так как дата оригинала может быть установлена по тому последнему событию, до которого он доведен (1305 г.), то этим и самим процессом механического копирования «ветхого» оригинала объясняются многие особенности и ошибки Лаврентьевской летописи.

¹ A. C. Clark. The Descent of Manuscripts. Oxford, 1918.

² L. Havet. Manuel de critique verbale appliquée aux textes latins. Paris. 1911, § 826.

³ М. Д. Приселков. История рукописи Лаврентьевской летописи и ее изданий.

Весьма важные соображения относительно пропусков в летописи возникают в связи с попытками М. Д. Приселкова установить формат той рукописи, с которой списана Лаврентьевская¹.

Приведу соображения М. Д. Приселкова в кратком изложении автора: «Что форматы Лаврентьевского манускрипта и ветхого Летописца 1305 г. не совпадали, ясно из двух наблюдений. Первое наблюдение... состоит в том, что в конце оборотов листов 157, 161 и 167-го Лаврентьевской рукописи мы находим пробелы письма, а не текста, что могло получиться только при несовпадении формата. Второе наблюдение сводится к тому, что «Почтение» Владимира Мономаха не начинается с первой строки лица 78-го листа, а идет с 9-й строки первой колонны.

Можно ли определить формат ветхого Летописца 1305 г.? Думаю, что счастливая случайность нам этот формат сохранила. В самом деле, если мы откроем текст Симеоновской летописи² под 1237 г. в том месте, которое соответствует обороту 161-го листа Лаврентьевской, то увидим почти полное совпадение текста, расположенного на обороте 161-го листа Лаврентьевской, с текстом, расположенным на обороте 82-го листа Симеоновской. Точно так же в изложении 1262 г. в том месте, которое соответствует обороту 167-го листа Лаврентьевской летописи, мы опять видим, что конец оборота 167-го листа Лаврентьевской летописи совпадает с окончанием текста оборота 121-го листа Симеоновской. Если мы припомним, что в Лаврентьевской летописи после этих совпадающих с Симеоновской летописью текстов в обоих указанных местах (обороты листов 161 и 167-го) идут пробелы, не нарушающие дальнейшего текста, т. е., как мы уже знаем, в ветхом Летописце 1305 г. здесь оканчивались обороты листов, то такое совпадение не может быть названо случайностью.

Тогда возьмем материал текста Лаврентьевской летописи между пробелами на обороте 157-го и на обороте 161-го листа, т. е. урок, данный для переписки одному из помощников Лаврентия. Если Симеоновская, как мы только что предположили, сохранила нам формат ветхого Летописца 1305 г., то попробуем перевести на этот формат урок, полученный тем писцом который его изложил на 158–161-м листах Лаврентьевской. Формат страниц Симеоновской можно определить в 20 строк по 25 букв (в среднем), что дает около 500 букв. Лист будет содержать около 1000 букв. Формат Лаврентьевской определяется в той части, где письмо покрывает страницу в две колонны³ 32 строчками по 21

¹ М. Д. Приселков. Формат «Летописца» 1305 г. — В кн.: Сборник статей в честь академика А. И. Соболевского. Статьи по славянской филологии и русской словесности. Л., 1928. С. 167–172 (Сборник ОРЯС АН СССР, т. 101. № 3).

² Симеоновская летопись XVI в. в своем начале (от 1177 г., с которого она начинается) близка к Лаврентьевской. — Д. Л.

³ Напомню, что на первых 40 листах Лаврентьевская летопись писана уставом и в одну колонку, а с 41 л. — в две колонки полууставом. — Д. Л.

букве (в среднем) в каждом столбце, т. е. около 1344 букв на странице или 2688 букв в листе. Материал текста Лаврентьевской летописи на 158–161-м листах занимает 7 страниц и $22\frac{1}{2}$ строки первого столбца 8-й страницы, что составляет около 9880 бук. Отбрасывая разницу в 120 букв на почти 8 страниц, мы можем сказать, что урок переписчика¹ составил 10 000 букв. Переводя этот урок на формат Симеоновской, мы получаем 20 страниц или 10 листов. Значит, писец получил из ветхого Летописца 1305 г. для переписки 10 листов.

Итак, соотношение форматов Лаврентьевской летописи и ветхого Летописца 1305 г. будет 1 : 2,7, т. е. на страницу Лаврентьевской ложилось 2,7 страницы Летописца 1305 г.»².

Установление формата оригинала позволяет объяснить некоторые особенности копии. В Лаврентьевской летописи имеются пропуски текста, которые все описывавшие до М. Д. Приселкова Лаврентьевскую рукопись считали результатом утраты листов в Лаврентьевской. М. Д. Приселков на основании выведенных им данных о формате оригинала Лаврентьевской (не дошедшего до нас Летописца 1305 г.) считает, что утрата была не в Лаврентьевской рукописи, а в Летописце 1305 г. Приведу выдержку из рассуждения М. Д. Приселкова: «Теперь мы возьмем по Симеоновской летописи материал текста, которого недостает в Лаврентьевской между ее теперешними 170 и 171-м листами, т. е. тот... дефект ее текста, который все описания объясняют утратой листа или листов (с 1287 до середины 1294 г.). Он в Симеоновской летописи занимает ровно 6 страниц, или 3 листа. Это равно 3000 букв. Но лист Лаврентьевской, как мы уже говорили, равен только 2688 буквам. Отсюда мы вправе говорить, что в Лаврентьевской летописи здесь не могло быть утраты листа, т. е. что в протографе Лаврентьевской летописи здесь уже была утрата 3 листов. Тогда становится понятным, почему Лаврентий после изложения 1285 г. написал в строку: “в лето 6794 • в лето 6795 • в лето”. Ведь в Симеоновской после изложения 1285 г. идет не только название 6794 (1286) г., но и сообщение о том, что в этом году женился князь Иван Переяславский, затем, после названия 6795 (1287) г., сообщается, что великий князь ходил было ратью к Твери, но помирился с тверским князем и что в этом же году тверской епископ начал службу в каменной церкви Твери, хотя мастера еще продолжали работу. Очевидно, лист древнего Летописца 1305 г. кончался изложением событий 1285 г., а события 1286 и следующих годов были в нем изложены на позднее утраченных листах. Лаврентий при переписке мог всегда получить в конце листа пустую строку (например, при переписке 8 листов, или 16 страниц, древнего Летописца на формат Лаврентьевской),

¹ Имеется в виду количество текста, которое Лаврентий раздавал своим переписчикам. — Д. Л.

² М. Д. Приселков. История рукописи Лаврентьевской летописи и ее изданий. С. 193.

и, понимая, что дальше идет изложение 1294 г., он постарался заполнить эту оставшуюся пустую строку перечислением названий пропущенных годов»¹.

Не привожу других выводов М. Д. Приселкова, вытекающих из гипотетически установленного им формата Летописца 1305 г., в частности и того, что «Поучение» Мономаха имело тот же формат, что и Летописец 1305 г., — вывод весьма важный для выяснения того, откуда попало «Поучение» в Лаврентьевскую летопись.

Конечно, вычисленный М. Д. Приселковым формат Летописца 1305 г., служившего оригиналом для Лаврентьевской летописи, не более чем гипотеза, но гипотеза, которая имеет за собой довольно много данных и которая самым фактом своего существования снимает безапелляционность утверждения палеографов, описывавших рукопись Лаврентьевкой летописи, что пропуски в ее тексте — результат утраты листов самой Лаврентьевской летописи.

Текстологические приметы

Перейдем к некоторым практическим указаниям, облегчающим работу текстолога и вместе с тем имеющим в известной мере принципиальное значение.

Начать сличать списки произведения, установить классификацию списков, хотя бы и формальную в начале, распределить списки по редакциям, видам, изводам и пр., если списков много, далеко не просто. Задача бесконечно усложняется, если произведение велико по объему (летописные своды, хронографы, Еллинский и Римский летописец, различного рода палеи, степенные книги, «Александрия», «Казанская история» и т. п.). Число признаков, по которым один список отличается от другого, одна редакция от другой, один извод от другого, может быть безгранично велико. Расхождения разночтений между отдельными редакциями могут сочетаться с совпадениями разночтений. Если списков много, то очень существен вопрос: с чего начинать сличение, какие списки сличать раньше, какие позднее? Приступая к сличению многих списков большого произведения, текстолог невольно оказывается в очень затруднительном положении: как хотя бы приблизительно разобраться в обилии материала, найти нужный порядок работы.

В этот момент очень многое зависит от искусства текстолога, от его опыта и интуиции.

Авторы книги «Методы и принципы зоологической систематики» Э. Майр, Э. Линсли и Р. Юзингер пишут о биологической систематике: «Нередко говорят, что систематика — скорее искусство, чем наука, и это утверждение в изве-

¹ М. Д. Приселков. История рукописи Лаврентьевской летописи. С. 194.